

В. М. Іоновъ.

Къ вопросу объ изученіи дохристіанскихъ вѣрованій якутовъ¹.

Дохристіанскія вѣрованія якутовъ были тѣсно связаны съ образомъ ихъ жизни, а этотъ послѣдній обусловливался характеромъ занятой ими территоріи.

Характеръ амгинско-ленскаго плоскогорья, на которомъ расселилась главная масса якутовъ, очень своеобразенъ, и очень многія явленія жизни и вѣрованій якутовъ обусловлены особенностями его поверхности. Поверхность этого плоскогорья при такихъ рѣдкихъ весеннихъ разливахъ, какой былъ въ 1884 году, представляетъ собою чрезвычайно сложную систему ручьевъ, рѣчушекъ и рѣчекъ, раздѣленныхъ широкими лѣсистыми увалами. При обычныхъ условіяхъ всѣ эти рѣчушки и рѣчки представляютъ собою низменные, сырые, травянистыя прогалины, служащія для стока весенней воды. Низменные прибрежныя полосы также покрыты травой. Характерно обычное названіе этихъ прогалинъ — от *үрэх*, «травянистая рѣчка», хотя воды въ такой «рѣчкѣ» можетъ и не быть, или она является въ видѣ разорванной цѣпи мелкихъ озеръ. Широкіе — иногда въ нѣсколько десятковъ верстъ — увалы усѣяны озерами, окруженными травянистыми низинами. Эти прогалины и низины замыкаются сходящимися увалами, образуя замкнутые участки. Въ результатѣ — два типа угодій: *үрэх* («рѣчка»), травянистыя прогалины съ прилегающими низинами, и *алас*, нѣсколько выше (по уваламъ) расположенныя низины, окруженныя лѣсами, часто съ озеромъ посрединѣ.

¹ Тема эта въ нѣсколько иной обработкѣ была предметомъ доклада въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Русск. Геогр. О-ва 1-го апрѣля 1916 г. Настоящая замѣтка просмотрѣна въ рукописи Н. А. Виташевскимъ, Э. К. Пекарскимъ и Л. Я. Штернбергомъ, которымъ считаю долгомъ выразить здѣсь свою благодарность за сдѣланныя ими указанія.

Обиліе травы, дичи въ лѣсахъ и рыбы въ озерахъ опредѣлило характеръ хозяйственной жизни якутовъ: скотоводство, — главнымъ образомъ коневодство¹, — лѣсные промыслы и рыболовство. Конные табуны, ходившіе круглый годъ на подножномъ корму, нуждались въ большихъ выгонахъ, обезпеченныхъ отъ погравы чужими табунами; звѣриный промыселъ требовалъ неприкосновенности лѣсныхъ участковъ, въ которыхъ промышленникъ ставилъ свои самострѣлы, петли и пасти; рыбный промыселъ требовалъ увѣренности, что рыба не будетъ выморожена благодаря нерасчетливому пользованію сачками. Эти обстоятельства, вмѣстѣ съ характеромъ поверхности, не только не могли содѣйствовать образованію крупныхъ поселеній, но, наоборотъ, обусловили собою разбросанность населенія по занятой имъ территоріи и обособленность родовыхъ группъ. Ни историческія свидѣтельства, ни сказки не даютъ намъ указаній на какую-либо межродовую организацію. До Ясачной Комиссіи (1762—1764 гг.) и даже долгое время спустя администрація знала не наслегъ, не жителей его, а «князцовъ» — главъ родовъ.

Власть главы рода ничѣмъ не ограничивалась извнѣ и зависѣла всецѣло отъ его личныхъ качествъ, его богатства, степени его властолюбія и умѣнья управлять другими. Насколько она была велика, можно судить по разсказамъ, которые мнѣ пришлось слышать въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ объ одномъ незадолго передъ тѣмъ умершемъ родоначальникѣ. Ни одинъ якутъ его наслегу не смѣлъ купить себѣ дабовую рубаху безъ разрѣшенія этого родоначальника.

Свой духовный міръ якуты построили по образу и подобию міра земного. Явленія природы, части воды и суши, животныя и растенія, судьбы людей находятся въ вѣдѣніи отдѣльныхъ существъ², которыя по отношенію другъ къ другу являются независимыми «хозяевами».

Якутскій пантеонъ распадается на слѣдующія категоріи:

Ајы³ — существа, имѣющія отношеніе къ творенію.

¹ Еще въ половинѣ прошлаго столѣтія у многихъ богачей отдаленныхъ отъ города наслеговъ количество коннаго скота въ 4 — 5 разъ превышало количество рогатаго. Теперь отношеніе обратное, а менѣе зажиточные и совсѣмъ не держатъ кобылъ.

² Здѣсь кстати я долженъ сказать, что въ дальнѣйшемъ изложеніи я избѣгаю терминовъ «добрые» и «злые» духи, такъ какъ эти термины заимствованы изъ системъ, стоящихъ на болѣе высокой ступени развитія и къ строю якутскихъ религіозныхъ воззрѣній совершенно непримѣнимы. Попытки всѣхъ, касавшихся вѣрованій якутовъ, распредѣлять духовъ по этимъ двумъ категоріямъ неизбѣжно приводили къ ошибкамъ (Соловьевъ, Слѣпцовъ, Припузовъ, Приклонскій, Сѣрошевскій, Кочневъ).

³ По поводу этого слова мнѣ сдѣлано было С. А. Новго родовымъ возраженіе, сущность котораго сводится къ слѣдующему. Ајы — помен actionis отъ глагола ай (творить) и потому не можетъ быть названіемъ лица творящаго. Не касаясь пока основнаго положенія этого возраженія, я оспариваю сдѣланный изъ этого положенія выводъ, такъ какъ ничто не дастъ

Іччі — духи-хозяева.

Абāсы — духи-пожиратели.

Ўөр — загробная форма существованія человеческой души.

Рядомъ съ этимъ мы находимъ остатки болѣе ранняго міропониманія въ видѣ одухотворенія природы: таңара — небо, абā (бабушка) — рѣка, особаго рода холмъ; переходныя формы: гора — абā (бабушка), но вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ и хаја іччітā, духъ-хозяинъ горы, и зачатки высшаго развитія: Ўруң Ајы Тојон, Бѣлый Творецъ Господинъ, и Улутујар Улуту Тојон, Величающійся Страшный Господинъ.

Неяснымъ и нѣсколько сомнительнымъ представляется Арсан Дуолаі, грозный обитатель подземнаго міра.

Видную роль въ жизни якута играютъ только ајы, іччі, ўөр и абāсы.

Гдѣ размѣщаются эти существа?

Якуты прекрасно ориентированы въ смыслѣ опредѣленія какъ странъ свѣта, такъ и относительной высоты мѣста.

Страны свѣта: ілін, востокъ (буквально: передъ, передняя часть); арбā, западъ (и въ то же время задъ, задняя часть); хоту, сѣверъ, иногда замѣняется словомъ хаңас, лѣвая сторона; соѭурӯ, югъ, иногда замѣняется словомъ уңуо, правая сторона. Различаютъ якуты и промежуточные направленія — юго-востокъ и т. д.

Что касается относительной высоты мѣста, то привычка ориентироваться въ этомъ смыслѣ сказалась на употребленіи словъ табыс, подниматься, и кīр¹, спускаться. Въ юрту якутъ спускается (кīрāр), изъ юрты — поднимается (тахсар), въ лѣсъ поднимаются (тахсар; ср.: кун кīрар — солнце спускается, кун тахсар — солнце поднимается) и т. д.

Мѣста, обитаемыя духами, дѣлятся на верхній, средній и нижній міры. Въ верхнемъ Ўруң Ајы Тојон, и тамъ же страшный Улутујар Улуту

намъ права утверждать, что ајы, какъ пом. асѣ. отъ аі, и ајы, какъ названіе цѣлой категоріи духовъ и составной элементъ именъ духовъ этой категоріи, — одно и то же слово. Если мы возьмемъ такіа выраженія, какъ: ајы таібыт (названіе рѣчки), ајы касался крыльями (при полетѣ), ајыттан туттарбыт ојун, шаманъ, данный ајы, абā-сыттан туттарбыт ојун, шаманъ, данный абāсы, то увидимъ, что ајы (противоположаемый притомъ личному существу — абāсы) является здѣсь дѣйствующимъ лицомъ. Ср. еще выраженіе: ајы ілā сылјар сірā — земля, гдѣ ајы видимо (для всѣхъ) ходитъ; ајы ілін озорор, ајы живутъ на востокѣ. Народная этимологія, сближающая ајы съ аі, должна имѣть здѣсь рѣшающее значеніе, такъ какъ она показываетъ, какъ якуты понимаютъ это слово и какое значеніе придаютъ ему. Э. К. Пекарскій указалъ мнѣ при этомъ на слово аяйы (пом. асіоніа отъ глагола ас, колоть), пещня, которое является названіемъ не только дѣйствія, но и предмета.

¹ Кромѣ глагола кīр, въ томъ же смыслѣ употребляется и глаголъ тус (падать, спускаться): Орүсү таңнары тусар, онъ спускается внизъ по Ленѣ.

Тојон. Въ нижнемъ — Арсан Дуолаі. Абасы — въ верхнемъ и въ нижнемъ мірахъ.

Іччі (за небольшими исключеніями, напр., атің іччітә, духъ-хозяинъ грома) населяютъ средній міръ, но помѣщаются гдѣ-то ниже¹. Ајы — тоже гдѣ-то внизу¹, но не въ нижнемъ мірѣ. Ёр, живутъ ли они на землѣ или на облакахъ, принадлежатъ среднему міру.

Ёруң Ајы Тојон помѣщается одними въ зенитѣ, другими на сѣверо-востокѣ; Улутујар Улұ Тојон — на западѣ; Арсан Дуолаі — то на юго-западѣ, то на сѣверо-западѣ. Ајы и іччі — на востокѣ, абасы — по остальнымъ странамъ свѣта, но главнымъ образомъ на западѣ.

Разселившись по разнымъ мірамъ и разнымъ странамъ свѣта, эти духи живутъ каждый своей обособленной жизнью, не входя ни въ какія отношенія другъ съ другомъ; каждый изъ нихъ является полновластнымъ господиномъ (тојон) своей области, «своего народа», имѣетъ свое хозяйство, часто свой скотъ.

Въ XVII столѣтіи появляются русскіе, принесшіе съ собою новыя правовыя нормы, новую религію.

Борьба за землю привела, подъ вліяніемъ извнѣ навязаннаго гражданскаго права, къ общественной организаціи, создала новый органъ власти — собраніе родоначальниковъ. Сказка отразила въ себѣ эту эволюцію и заставляетъ теперь различныхъ духовъ сноситься другъ съ другомъ, собираться на совѣщаніе, но ничего подобнаго не услышишь отъ людей, сохранившихъ въ своей памяти старыя религіозныя представленія.

Никакого противоположенія однихъ духовъ другимъ, никакой борьбы — нѣтъ и слѣдовъ. Записанная мною, со словъ одного шамана, легенда о борьбѣ Христа съ сатаной, при чемъ слуги сатаны были сброшены съ неба и сдѣлались духами-хозяевами того, на что каждый изъ нихъ упалъ, поразительно напоминаетъ такую же легенду, записанную Вербицкимъ² у алтайцевъ, о борьбѣ Мангды-шіре съ Эрликомъ и должна считаться позднѣйшимъ заимствованіемъ, такъ какъ не имѣетъ никакихъ аналогій въ вѣрованіяхъ якутовъ.

Очень характерно отсутствіе представленій о раѣ и адѣ, отсутствіе понятія о возмездіи въ нашемъ смыслѣ. Ајы, грѣхъ, употребляется въ томъ же смыслѣ, какъ и въ нашемъ народномъ языкѣ: «Вотъ, грѣхъ какой

¹ На прямой вопросъ въ этомъ случаѣ якуты не всегда смогутъ отвѣтить, но я исхожу изъ тѣхъ соображеній, которыя изложены выше: напр., доіду іччітігәр кірәлләр, къ духу-хозяину земли *спускаются*; Ысөгөй аҗыга кірәлләр, къ Ысөгөй (духу-подателю коннаго скота) *спускаются*, и т. п.

² Алтайскіе инородцы, 100.

случился!» Вскочила лягушка ко мнѣ на постель — а́йы; въ посудѣ съ молокомъ утонула мышь — а́йы, и т. п.

Человѣкъ вольно или невольно оскорбилъ какого-нибудь духа, нарушилъ его права, не выполнилъ по отношенію къ нему своихъ обязательствъ, — за это его ждетъ возмездіе въ той или другой формѣ: болѣзнь, гибель скота, несчастье.

Якутъ промышляетъ звѣря, птицу, рыбу. Абасы — сіяччі (пожиратель), онъ добываетъ себѣ пищу; этой пищей можетъ служить человѣкъ, его скоть.

А́йы, іччі — владѣльцы, могутъ дать и не дать. Лично для нихъ человѣкъ безразличенъ.

Вотъ человѣкъ желаетъ получить что-либо или заболѣлъ, съ нимъ случилось несчастье. Нуженъ человѣкъ, могущій узнать причину болѣзни, несчастія и воздѣйствовать на нее или устранить ее. Такими являются албаччы (заклинатель), мѣнѣрік (истеричный), кѣрбуѣччу (провидецъ), ічѣи (знахарь), о́йун (шаманъ), удабан (шаманка).

Вопросъ о сотвореніи міра и человѣка якутами совершенно не разработанъ. Въ своихъ религіозныхъ построеніяхъ они исходятъ изъ того, что существуетъ, и по-своему объясняютъ измѣненія въ этомъ существующемъ отъ начала. Даже самое понятіе о твореніи у нихъ имѣетъ особый характеръ, и если мы говоримъ, что глаголъ а́и значить творить, то не должны упускать изъ виду, что понятіе, заключающееся въ этомъ словѣ, очень близко къ понятію, выражаемому словомъ устраивать, устроить. А́йысыт (духъ родовъ) называется «создавшей создательницей», но это означаетъ только, что она принесла душу ребенка, присутствовала и помогала при родахъ.

Ребенокъ, пока растетъ, находится на отвѣтственности родителей, хотя до нѣкоторой степени и самъ подвергается возмездію за непочтительное отношеніе къ тѣмъ или инымъ духамъ. Но вотъ онъ выросъ, женится и устраиваетъ свое отдѣльное хозяйство. Облюбовано мѣсто для постройки юрты, но это мѣсто имѣетъ своего духа-хозяина, а потому надо получить его разрѣшеніе. Построена юрта, хлѣвъ, устроенъ пригонъ для скота, и каждая изъ этихъ построекъ уже имѣетъ своего духа-хозяина, какъ и разведенный въ юртѣ огонь; со всѣми этими духами-хозяевами надо установить хорошія отношенія. Чтобы одѣвать и прокармливать семью, нужно промышлять въ лѣсу; не слѣдуетъ пренебрегать и рыбой въ озерахъ. И лѣсъ и вода имѣютъ своихъ особыхъ духовъ-хозяевъ, безъ разрѣшенія которыхъ нельзя пользоваться находящимися въ ихъ распоряженіи благами. Для обезпеченія существованія семьи скоть долженъ плодиться, а чтобы получить приплодъ, нужно обратиться съ просьбой къ соотвѣтствующимъ духамъ. Для скота нужны запасы сѣна, а сѣно растетъ на участкахъ, находящихся во владѣніи осо-

быхъ духовъ-хозяевъ. Человѣку приходится совершать болѣе или менѣе отдаленныя путешествія, т. е. переходить границы¹ владѣній духовъ-хозяевъ, на что онъ, конечно, долженъ получить разрѣшеніе; даже дорога, по которой онъ ѣдетъ, имѣетъ своего духа-хозяина, оберегающаго свои права. И во всѣхъ этихъ случаяхъ нужны приношенія, нужны опредѣленныя формулы обращенія, нужно соблюденіе опредѣленныхъ правилъ поведения.

Жизнь человѣка подвержена различнымъ случайностямъ; самъ онъ болѣетъ, иногда преждевременно умираетъ. Все это зависитъ отъ дѣятельности тѣхъ или иныхъ духовъ, и тутъ опять, обладая нужными знаніями, можно отдѣлаться при помощи приношеній, сопровождаемыхъ опредѣленными дѣйствіями и словесными формулами.

Мы видимъ, такимъ образомъ, стройную систему, въ которой предусмотрены и объяснены всѣ случаи жизни, указаны необходимыя средства для достиженія цѣлей, и если въ томъ или другомъ случаѣ цѣль не достигается, то это зависитъ отъ недостатка знаній или умѣнья, отъ ошибокъ, во-время не устраненныхъ.

Однако, при болѣе внимательномъ изученіи вопроса кажущаяся стройность этого міропониманія начинаетъ колебаться, и обнаруживаются слѣды спайки разнородныхъ элементовъ.

Начнемъ съ шамановъ (ојун) и шаманокъ (удабан), которые играютъ такую большую роль въ якутскихъ вѣрованіяхъ.

Удабан — слово монгольское. Откуда же взялось слово ојун? Обычно производятъ его отъ глагола оі², прыгать. У якутовъ есть еще выраженія: мас ојун (деревянный волчокъ), сыңах (= сыңах) ојун (палочка, вставляемая въ расщепленную лучину и поджигаемая; служить для гаданія), хār ојуна (сова бѣлянка), lākātтā ојун (сычъ). Шаманъ по-монгольски — бō. Это слово имѣется и въ якутскомъ языкѣ и выражаетъ что-то страшное. Про властнаго, суроваго родоначальника якуты говорятъ: «бō» ді сытар (лежитъ, говоря «бō»), «бō» тō суох озорбот кісі буолуо бā-āt! (не обходится безъ того, чтобы не сказать «бō»), но выяснитъ точный смыслъ этого слова³ мнѣ не удалось.

Почему для шаманки сохранилось монгольское названіе (удабан), а для шамана — турецкое? Почему шаманка считается сильнѣе шамана? Почему слово ојун можетъ примѣняться къ неодушевленнымъ предметамъ и птицамъ, а слово удабан не можетъ?

Далѣе, мы видѣли, какъ заботливо размѣстили якуты своихъ духовъ

¹ Приношенія вѣшаются обычно на самой высокой точкѣ перевала черезъ водораздѣлъ.

² Оі значитъ еще лѣсъ-колокъ и стрѣла (= ох).

³ Этого слова въ «Словарѣ» Э. К. Пекарскаго нѣтъ.

по разнымъ мірамъ и странамъ свѣта, и все-таки одни абѣсы оказались въ верхнемъ мірѣ, а другіе — въ нижнемъ. Мало того. Тѣмъ, которые живутъ въ верхнемъ мірѣ, приносятъ въ жертву только конный скоть, а тѣмъ, которые живутъ въ нижнемъ мірѣ, — только рогатый скоть. И эти духи живутъ своимъ хозяйствомъ, имѣютъ свой скоть, но верхніе духи имѣютъ только конный скоть, а нижніе — только рогатый скоть. И въ то время, какъ аѣбсыт коннаго скота является духъ-мужчина, аѣбсыт рогатаго скота — духъ-женщина. Уже одно это обстоятельство¹ должно навести насъ на мысль, что здѣсь слились два міросозерцанія, являющіяся результатомъ двухъ различныхъ культуръ. Аѣбсыт человѣка—женщина, и къ ней прямо обращаются съ просьбой о дѣтяхъ. Почему же съ просьбами о приплодѣ коннаго или рогатаго скота обращаются къ духу-хозяину земли? Почему верховному существу Ёруң Аѣб Тојон-у посвящался только конный скоть, а не рогатый? Я не буду перечислять всѣхъ вопросовъ, на которые изученіе якутскихъ вѣрованій не даетъ отвѣта.

Антропологическія наблюденія надъ якутами привели къ установленію, по крайней мѣрѣ, двухъ типовъ. И это должно дать указаніе, въ какомъ направленіи должны вестись изслѣдованія для разъясненія темныхъ вопросовъ. Но особенно яркій свѣтъ на эти вопросы бросаетъ выводъ В. В. Радлова относительно лексическаго состава якутскаго языка². По изслѣдованіямъ этого ученаго оказывается, что якутскій языкъ, насколько онъ представленъ въ словарѣ О. Бетлингга, содержитъ въ себѣ³:

32,5% турецкихъ элементовъ,
25,9% монгольскихъ элементовъ и
41,6% неизвѣстнаго происхожденія.

Далѣе В. В. Радловъ говоритъ, что въ послѣдней группѣ могутъ находиться слова, заимствованныя изъ языковъ тунгусовъ, самоѣдовъ, енисейскихъ остяковъ и юкагировъ, но много словъ, несомнѣнно, монгольскаго происхожденія, на что указываетъ присутствіе монгольскихъ аффиксовъ. Это даетъ право допустить, что якутскій языкъ состоитъ на одну треть изъ элементовъ турецкаго происхожденія и на одну треть изъ элементовъ монгольскаго происхожденія. Остается еще, слѣдовательно, одна треть неизвѣстнаго происхожденія.

¹ Объяснить это тѣмъ, что конь нуженъ, главнымъ образомъ, мужчине для ѣзды, нельзя, такъ какъ конный скоть, прежде всего, служитъ для обезпеченія пропитанія, и ухаживаютъ за нимъ и доятъ кобылы женщины. Съ другой стороны, и быки служатъ для передвиженія и перевозки тяжестей.

² См. Dr. W. Radloff. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türk-sprachen. Зап. И. А. Н. по И.-Ф. Отд., т. VIII, № 7.

³ Имѣются въ виду неразложимыя основы.

Сборникъ Музея Антроп. и Этногр., т. V.

Отсюда ясно, въ чемъ должна заключаться главная задача изслѣдованія якутскихъ вѣрованій. Задача эта, конечно, не изъ легкихъ, такъ какъ здѣсь различные элементы, всосанные первоначальной основой, должны были претерпѣть значительныя измѣненія, подвергаясь процессу ассимиляціи, хотя и сами должны были дѣйствовать на основныя вѣрованія въ томъ же смыслѣ. Но такіе процессы тянутся вѣками, никогда, въ сущности, не достигая полнаго завершенія. На этомъ изслѣдователь и долженъ строить свои надежды. Если какой-нибудь культъ воспринимается болѣе или менѣе близкой по уровню развитія религіозной системой, то вмѣстѣ съ нимъ переходятъ и употребляемые въ немъ священные предметы, не всегда имѣющіе аналогіи въ основной средѣ, а потому часть терминовъ обязательно должна сохраниться хотя бы въ измѣненномъ видѣ. Вотъ эти то сохранившіеся термины и должны, не рѣшая вопроса, дать руководящую нить, при чемъ мы должны принимать во вниманіе не одинъ матеріалъ языка, но и исторію культуры народа, говорящаго на этомъ языкѣ. Остановлюсь для иллюстраціи на одномъ фактѣ.

Удабан, какъ сказано выше, слово монгольскаго происхожденія; *у́с* (кузнецъ) — турецкаго. Якуты говорятъ о сравнительной силѣ черныхъ шамановъ и кузнецовъ, считая послѣднихъ болѣе сильными. Относительно шаманокъ (удабан) мнѣ не приходилось слышать ничего подобнаго; о нихъ говорятъ только, что онѣ сильнѣе шамановъ. Якуты называютъ по именамъ бывшихъ у нихъ бѣлыхъ шамановъ, бѣлыхъ же шаманокъ допускаютъ, такъ сказать, теоретически. Изъ этого можно заключить, что бѣлые шаманы — ихъ исконное достояніе, а черные шаманы развились изъ шаманокъ, когда функціи ихъ стали переходить къ мужчинамъ. О бѣлыхъ кузнецахъ (кузнецы по мѣди и серебру) не сохранилось никакихъ разсказовъ, тогда какъ черные кузнецы (кузнецы по желѣзу) считаются сильнѣе черныхъ шамановъ. Это наводитъ на мысль, что черные кузнецы явились на якутской почвѣ вполне готовыми, какъ и шаманки, со своимъ искусствомъ и всѣми необходимыми для ихъ профессіи принадлежностями. Они могли принять готовое уже названіе (*у́с*, одинаково для бѣлыхъ и черныхъ кузнецовъ), но хотя часть ихъ инструментовъ должна была сохранить свои названія, такъ какъ трудно ожидать, чтобы всѣ они имѣлись ¹ у данной народности ². Это построеніе требуетъ провѣрки не только въ отношеніи терминовъ, но и въ

¹ Особый страхъ, возбуждаемый нѣкоторыми инструментами, показываетъ, что они не были своими обычными предметами.

² Я не касаюсь вопроса о томъ, какая народность явилась первичнымъ пластомъ въ образованіи якутской народности. Мы этого не знаемъ. Подъ словомъ «исконныя якутскія вѣрованія» я понимаю вѣрованія основного ядра, изъ котораго путемъ сліянія съ другими элементами образовалась якутская народность.

отношеніи фактовъ исторіи культуры: нужно прослѣдить распространеніе искусства обработки желѣза.

Возьму другой примѣръ.

Выше я говорилъ о верхнихъ и нижнихъ духахъ-абасы: первые владѣютъ коннымъ скотомъ (и въ приношеніе себѣ требуютъ конную скотину), вторые — рогатымъ. При похоронахъ убивался и закапывался съ покойникомъ любимый его ѣздовой конь. Такой конь получалъ специальное названіе — *холжуга*¹. Дома же для трапезы убивали кобылу (*улă аса*, пища работы, т. е. для лицъ, выполняющихъ всѣ работы, необходимыя для погребенія), которая потомъ стала замѣняться коровой. Мало-по-малу, съ уменьшеніемъ количества коннаго скота, обычай закапыванія коня вмѣстѣ съ покойникомъ сталъ выводиться, и мясо этого коня поѣдалось² дома, и все-таки за нимъ сохранилось названіе *холжуга*. Когда же и отъ этого приходилось отказываться, довольствуясь рогатой скотиной, то на послѣднюю долго не могло перейти названіе *холжуга*, да и теперь многіе не признаютъ его, примѣняя выраженіе *улă аса* (рабочая пища).

Тутъ ясно напластованіе, ясно виденъ болѣе древній пластъ, а если мы примемъ во вниманіе рѣзкое различіе въ обрядахъ по отношенію къ конному и рогатому скоту, особое почитаніе въ отношеніи перваго³, то древность этого пласта будетъ для насъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Въ своей статьѣ «Духъ-хозяинъ лѣса» я старался показать, что этотъ духъ является чуждымъ элементомъ въ якутскихъ вѣрованіяхъ. Это, повидимому, третій элементъ, элементъ особой культуры, культуры звѣролова. Былъ ли этотъ элементъ съ самаго начала очень слабъ, или онъ утратилъ значеніе съ паденіемъ звѣринаго промысла — рѣшить трудно.

Для изученія дохристіанскихъ вѣрованій якутовъ, мнѣ кажется, можно намѣтить слѣдующій планъ.

Всѣ относящіеся сюда факты должны быть разгруппированы не по отдѣльнымъ вопросамъ программы (загробная жизнь, душа и пр.), а по культурнымъ признакамъ, при чемъ должно быть обращено строгое вниманіе на терминологию (названія дѣйствій, употребляемыхъ предметовъ и т. п.), на матеріалъ и способъ приготовленія употребляемыхъ предметовъ, на то или иное отношеніе къ нимъ.

Всѣ термины (см. выше) должны быть сведены къ основамъ, при чемъ должна быть выяснена принадлежность послѣднихъ тому или другому языку.

¹ = *халжыга, хоілуга, хайлыга*.

² Но оно должно быть все съѣдено въ день похоронъ; иначе покойникъ не можетъ воспользоваться этимъ конемъ для дальняго путешествія.

³ Посуда и принадлежности кумыснаго хозяйства до нѣкоторой степени священные.

Всѣ обряды, обычаи, по тѣмъ же категоріямъ, должны быть сравнены съ таковыми же у народовъ, съ которыми якуты приходили въ болѣе или менѣе тѣсное соприкосновеніе.

Только при выполненіи этой работы всѣ сравненія фактовъ и терминовъ якутскихъ вѣрованій потеряютъ тотъ случайный характеръ, который они имѣли до сихъ поръ, и приведутъ къ установленію положеній, которыя дадутъ возможность возсоздать процессъ развитія вѣрованій якутовъ и объяснить явленія, приводящія теперь изслѣдователя въ недоумѣніе своими противорѣчіями и кажущеюся ненужностью. Мы должны помнить, что всякая религіозная система, не закрѣпленная писаннымъ уставомъ, есть живой, непрерывно развивающійся организмъ, въ которомъ одно продолжаетъ жить и развиваться, другое только что зарождается, а третье начинаетъ уже отмирать, и простое описаніе, въ какой бы моментъ жизни этого организма оно ни было предпринято, можетъ дать только поперечный разрѣзъ этого процесса, совершенно не уясняющій жизни организма и его отдѣльных частей.